

ГЛАВА 1. НАЧАЛО ПУТИ

— Симон, Симон...

— Мальчик мой, очнись же скорее...

В ветхой хижине, затерянной среди зловонных гор мусора, на обрывках старого одеяла лежал хрупкий ребенок. Рядом с ним, бессильно опустившись на грязный пол, замер слепой старик. Он с тревогой сжимал плечо мальчика, то и дело выкрикивая имя «Симон» и касаясь его лба, пытаясь определить, не спал ли жар.

Прошло немало времени, прежде чем ресницы ребенка дрогнули, и он медленно открыл глаза.

Увидев перед собой незнакомца, мальчик вскочил, точно подбитая птица. Одним резким движением он отпрянул в угол и замер там, оскалившись и глядя на старика с диким, звериным недоверием. Едва затянувшиеся раны на его теле не выдержали такого рывка: бинты намокли, и по коже вновь поползли алые струйки крови. Старик, казалось, расстроился, почувствовав, что мальчик избегает его, но не проронил ни слова упрека. Он лишь повернул голову на звук и ласково улыбнулся:

— Опять ты проказничаешь, Симон. Береги себя, а то раны не заживут.

Вдруг старик помрачнел. Он принялся ловя малейшее движение воздуха.

— Запах крови... Симон, ты снова сорвал швы. Подойди ко мне, я должен всё исправить.

— Меня зовут не Симон, — холодно отозвался ребенок. — Кто ты такой?

— Неужели у тебя есть другое имя? — старик негромко рассмеялся, и в этом смехе не было издевки, лишь мягкая ирония. — Разве может быть иначе? Ты — Симон. С того самого мгновения, как я подобрал тебя и принес в свой дом, ты стал Симоном.

Мальчик не шелохнулся. Он продолжал сверлить старика взглядом, готовый к нападению, но в глубине души вдруг ощутил странный укол симпатии. За ту короткую минуту, что прошла с момента пробуждения, он успел до мельчайших деталей оценить обстановку. Голова раскалывалась, тело ныло от каждой судороги в ранах, но боль не была поводом ослаблять бдительность.

В этом мире не бывает бесплатных обедов. С чего бы кому-то проявлять к нему доброту?

«Но что с меня взять?» — промелькнула мысль.

Мальчик изо всех сил пытался упорядочить обрывки памяти, напоминавшие мутную кашу, но стоило ему подобраться к самому краю воспоминаний, как нестерпимая вспышка боли обрывала все попытки.

Старик был первым, кого он увидел, открыв глаза. Возможно, сработал пресловутый «инстинкт птенца», но, наблюдая за каждым движением слепца, мальчик поймал себя на мысли, что у него не поднимается рука причинить ему вред.

— Почему я чувствую, что ты слаб? — прошептал он себе под нос. — Настолько слаб, что мне даже противно нападать. Что со мной не так?

Он спрашивал это у человека, который не видел ничего, а потому не мог дать ответа.

— Кто я? — мальчик тряхнул головой, преодолевая дурноту. — И где мы?

На его затылке багровел глубокий шрам. Видимо, именно эта рана, отнявшая немало крови, стерла его прошлое.

— Ты — Симон. И с этого дня ты мой внук, — кротко ответил старик.

«Я и сам не знаю, кто ты. Но раз ты оказался рядом со мной у могилы Симона, значит, ты — дар небес. Мой новый внук. Мой Симон».

Судьба была слишком жестока к нему, отняв всех близких. И теперь, в конце пути, она решила дать ему утешение. Драгоценное сокровище.

Так мальчик, ставший Симоном, начал новую жизнь со слепым дедом в трущобах маленького городка. Из-за амнезии он поначалу не понимал элементарных правил: забывал платить за еду, за что бывал жестоко избит лавочниками и выброшен в сточные канавы. Но Симон быстро учился. Больше он не допускал ошибок с оплатой.

Вскоре в темных переулках заговорили о юном сопляке по имени Симон — жестоком и беспощадном. Всякий, кто осмеливался перечить ему, заканчивал с перебитыми конечностями. Те же, кто наносил ему личную обиду, и вовсе исчезали без следа.

Старик знал об этом, но ни разу не попрекнул внука. Он лишь молча врачевал его раны и терпеливо объяснял разницу между добром и злом.

— Бог велит нам быть милосердными, — говорил он, и его высохшие, незрячие глаза в такие моменты словно начинали светиться.

Симон презирал эти набожные бредни, но не смел обрывать старика, видя, как тот дорожит

своей единственной верой.

«Старик, да как ты вообще дожил до своих лет с такими мыслями?» — ворчал он про себя.

Прошел год.

— Дед, выходи скорее! Я принес кое-что вкусненькое! — Симон, размахивая матерчатой сумкой, откинул засаленную занавеску и вошел внутрь.

Улыбка мгновенно сползла с его лица. Старик лежал на полу без чувств.

Словно от удара молнии, сумка выпала из рук мальчика, и спелые фрукты с тихим стуком раскатились по грязным доскам. Симон замер, не веря своим глазам. Еще утром всё было в порядке! Старик просил купить фруктов и травил свои вечные байки об Охотниках, которых когда-то встречал. Как он мог рухнуть за такое короткое время?

Симон бросился к деду и прижал пальцы к его шее. Едва уловимая, слабая пульсация заставила его выдохнуть с облегчением. Жив. Пока жив.

Он с сомнением посмотрел на шкатулку, где они хранили скудные сбережения. Откуда у одинокого слепца и ребенка возьмутся деньги? Дед никогда не умел копить.

Симон стиснул зубы. Плевать. Когда приедет скорая, они не станут проверять его платежеспособность прямо в машине. Главное — спасти его!

Он решительно набрал номер больницы.

— Алло! Это Центральная больница уезда Кэсити? Моему деду плохо, срочно нужна помощь! Адрес...

— У пациента обширное кровоизлияние в мозг. Требуется немедленная операция. Сначала оплатите счет в регистратуре, — голос врача был холодным и безучастным.

Симон застыл, раздавленный этим равнодушием. Где ему взять такие деньги?

В его лексиконе не было слова «сдаться». Тем более сейчас, когда на кону стояла жизнь единственного человека, который стал ему родным.

Врач раздраженно притопнул ногой. Больница — не благотворительный фонд, а врачам тоже нужно на что-то жить.

— Плати быстрее, иначе... — человек в белом халате махнул рукой, и за его спиной выросли несколько дюжих молодчиков в черном. — Проваливайте отсюда!

— Я заплачу! — Симон позеленел от ярости и бессилия, он вынужден был униженно просить:
— Прошу вас, начните операцию прямо сейчас!

— Вышвырнуть их!

По приказу врача наемники подхватили юного Симона и бесчувственного старика, бесцеремонно выкинув их в грязный переулок за зданием больницы.

— Хе-хе, погодите, босс... — один из громил вернулся и нагло провел ладонью по щеке мальчика. — А пацан-то ладный, кожа гладкая.

— Зачесалось? — обернулся тот, кого называли боссом. — Неужто так приперло, что на десятилеток потянуло?

Симон побледнел. За этот год он насмотрелся на изнанку города и знал, что в мире полно извращенцев. Он не стал плакать или умолять — в такие моменты слезы лишь разжигают аппетит мучителей. Мальчик принял решение мгновенно.

— Оплатите его операцию, — Симон старался дышать ровно, подавляя тошнотворный комок в горле. — И делайте со мной что хотите. Любое ваше требование.

Босс заинтересованно приподнял бровь:

— О? Готов продать себя ради операции для старика? Не боишься?

— Старшой, ты же не серьезно? — вмешался первый наемник. — Слишком дорогой кусок мяса выйдет для этого доходяги.

— Преданный малый, редкость в наши дни, — вздохнул босс, и в его голосе промелькнуло нечто похожее на сочувствие. — У меня дома тоже старик живет. Окажись я на месте пацана, поступил бы так же.

Он не был святошей и натворил немало зла, но сыновний долг вызывал у него крупицу уважения.

— Стоять. Это мои наемники, — вдруг в конце переулка появился врач. Видимо, он подслушивал всё это время. — Когда закончите с ним, вырежьте всё ценное. Органы этого щенка покроют расходы клиники на содержание старика.

Услышав это, даже наемники переглянулись с нескрываемым отвращением.

Но Симону было плевать на мораль.

— Сколько органов вам нужно? — прохрипел он, сжимая кулаки.

— Все... — врач, похоже, и сам понимал, что перегибает палку, и поспешил оправдаться: — Не вини меня. Это распоряжение директора. У нас важный гость, ему нужна полная замена систем для омоложения.

Он помедлил секунду.

— Ты можешь отказаться. Старик всё равно долго не протянет, а у тебя впереди целая жизнь.

— Меняем. Почему бы и нет? — Симон закрыл собой деда, глядя на врача с непоколебимой решимостью. — Кроме него, в этом мире мне дорожить некем.

Доктор хотел что-то добавить, но лишь махнул рукой и поспешно ушел, бросив на ходу:

— Я постараюсь... постараюсь обеспечить твоему деду лучшие условия.

Его прогнившая душа на миг содрогнулась от благородства ребенка.

Симон закрыл глаза, готовясь к самому худшему, но окружившие его громилы не шелохнулись.

— Босс, в чем дело?

— Перехотелось, — отрезал тот.

Симон удивленно распахнул глаза. Что еще? Неужели он хочет, чтобы я сам...

— Просто прикончите его быстро.

Симон почувствовал странную благодарность к этому человеку. Смерть была лучше позора, а чистота перед концом — единственным, что у него осталось.

— Остановитесь! — звонкий девичий голос разрезал тишину переулка.

Симон криво усмехнулся:

— Что за день такой? Не дают спокойно подохнуть. Босс, вы выбрали слишком людное место для мокрого дела.

Наемники застыли. В конце переулка стояла маленькая девочка, а за ее спиной — целая армия вооруженных телохранителей.

— Да как ты можешь такое говорить? — возмутилась малютка, топнув лакированным ботинком.
— Я же тебя спасаю!

— Спасибо, конечно, но мне нужно умереть. Только так старик выживет, — буднично отозвался Симон.

— Папа! — девочка обернулась к роскошному бронированному лимузину, припарковавшемуся у въезда. — Я хочу его! Можно?

Машина долго хранила молчание. Наконец дверца распахнулась, и к девочке подбежал слуга. Склонившись в глубоком поклоне, он произнес:

— Господин сказал, что воля мисс — закон.

— Отлично! Отныне ты — мой дворецкий! — девочка радостно закружилась, точно маленький ангел, спустившийся в этот ад, чтобы смутить разум Симона.

— Как тебя зовут? — спросила она. — Твой дед и ты теперь под защитой клана Дог!

— Симон... — прошептал он, осознав, что произнес имя, которое дал ему дед.

Мальчик горько усмехнулся, принимая свою участь. Он продал себя и деда клану Дог. Но если эта семья подарит старику спокойную старость, какая разница, чьи приказы выполнять и насколько низко склонять голову?

В этом мире жизнь маленького человека стоит меньше дорожной пыли.

— Господин, разумно ли позволять ребенку с темным прошлым находиться рядом с мисс Элизой? — позже, в приватной обстановке, с тревогой спросил старый управляющий. — Если

вдруг...

Нигола Дог взглянул на свою дочь через окно лимузина и смягчился.

— Элиза никогда ничего не просила. Это ее первое самостоятельное желание. Как я могу ей отказать?

Управляющий лишь вздохнул, принимая назначение Симона.

— Очередной безродный оборванец, которому подфартило. Что ж, придется взяться за него всерьез. Если он хочет быть дворецким моей госпожи, он должен стать совершенством.

Для него мисс Элиза была не просто ребенком — она была истинным ангелом, ниспосланным богами.

— Пару лет тренировок — и будет толк, — равнодушно бросил господин Дог. — Ради Элизы он расшибется в лепешку. Никто не может устоять перед ее обаянием.

Несмотря на нежный возраст, в Элизе уже угадывалась будущая роковая красавица. Нигола был уверен: дочь обладает врожденной силой подчинять сердца. Всякий, кто попадал в сферу ее влияния, невольно стремился защитить ее, отдать за нее жизнь.

Дверца машины захлопнулась — Элиза втощила Симона в салон. Господин Дог широко улыбнулся и подхватил подбежавшую дочь на руки:

— Ну как, моя маленькая героиня, каково это — спасти жизни?

Элиза улыбнулась, и в ее глазах вспыхнул азартный огонек:

— Замечательно!

Бесконечные кипы документов и деловые встречи, которыми отец нагружал ее, порядком утомили юного гения. Это маленькое приключение развеяло скуку. Элиза была не просто «красивым личиком» — она была настоящим феноменом. Под ее негласным руководством активы клана Дог выросли вдвое. Если она и была ангелом, то ангелом с железной деловой хваткой.

— Малыш, когда приедем, ты начнешь обучение, — небрежно бросил Нигола, даже не глядя на мальчика. — В клане Дог не держат бесполезных людей.

— Слушаюсь, господин, — покорно ответил Симон.

Дед был уже слишком слаб. Несмотря на все усилия лучших врачей клана, он прожил всего три года.

После его смерти Симон с головой ушел в работу. Он стал тенью Элизы, идеальным механизмом, воплощающим в себе кодекс чести и правила аристократического приличия. Каждое его движение, каждое слово соответствовало высшим стандартам. В глазах членов клана и сторонних наблюдателей имя «Симон» стало синонимом безупречности.

Симон пользовался огромным доверием господина Дога. Сама Элиза как-то призналась, что без своего верного дворецкого она как без рук.

Защищать мисс до последнего вздоха — таков был негласный девиз Симона. Но где-то глубоко внутри, под маской ледяного спокойствия, продолжало биться сердце, жаждущее свободы. Он не хотел этой размеренной, предсказуемой жизни. Ему нужна была искра, нечто, способное заполнить пустоту в душе.

Но он не мог оставить Элизу. Это стало привычкой, наваждением: его взгляд всегда, везде следовал за ней с пугающей сосредоточенностью.

«Интересно, если боги и впрямь существуют, обрела ли душа деда тот покой, о котором он так мечтал?»

Со временем Симон стал непроницаемым. Мягкая, обволакивающая вежливость в сочетании с безупречной осанкой — многие знатные дамы завидовали Элизе, чей покой охранял столь статный и благородный юноша.

Раз Элизе нужен идеальный дворецкий — он им станет. И неважно, какую цену придется заплатить его собственной душе.

<http://bllate.org/book/17392/1648512>